

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ПО КУЛЬТУРЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТОМСКОМ КРАЕВОМ МУЗЕЕ

Рассматривается начальный период формирования этнографических коллекций по русскому населению в Томском краевом музее в 1920-е гг., характеризующийся активным поступлением предметов по культуре русских, проживающих в Томском крае.

В фондах Томского областного краеведческого музея (ТОКМ), открывшегося 18 марта 1922 г., несомненную источниковую ценность представляет собрание вещественных памятников, характеризующих традиционную культуру русского народа, материальную и духовную. Предмет является неотъемлемой частью культуры этноса, несет информацию о различных проявлениях традиции и мировоззрения этноса [8]. Сохраняя традиционные черты, культура и быт народа претерпевают определенные изменения, поэтому одной из задач Томского краевого музея в 1920-е гг. являлось собирание предметов, характеризующих деревенский уклад в момент его слома, переходного состояния, вызванных политикой индустриализации. Михаил Бонифатьевич Шатилов – один из создателей и первых директоров музея – трепетно относился к отделу этнографии в музее, понимая, что он «является одним из основных отделов всякого местного краевого музея» [13. Т. 1. С. 29]. Этнографическое наследие М.Б. Шатилова известно специалистам, прежде всего, в части его работ по ваховским хантам [11, 12]. В данной статье речь пойдет о малоизвестных страницах деятельности исследователя.

Комплектование музейного фонда предметами, представляющими культуру русского народа Томского края, началось с приобретения М.Б. Шатиловым в 1924 г. швейки в д. Городище Нарымского края [9. С. 114]. Данный факт можно считать отправной точкой в деле создания этнографических коллекций ТОКМ по русским Сибири. Начальный период собирания коллекции связан с экспедиционными сборами М.Б. Шатилова и М.В. Бородкиной и приходится на 1920-е гг.

Как исследователь-этнограф М.Б. Шатилов призвал изучать культуру в динамике: он акцентировал внимание не только на традиционных её элементах, но и на новациях современной жизни. В архиве Томского областного краеведческого музея сохранился листок с рукописным планом этнографического обследования русского старожильческого населения Томского края, составленным исследователем. В нём отмечено, что «...необходимо собирать и изучать все, что отражает быт, творчество, искусство, древние традиции и новые намечающиеся формы быта, все, что облегчает понимание народной жизни» [1. Оп. 3. Ед. хр. 143. Л. 22]. Как видим, М.Б. Шатилов акцентировал актуальную и в современности проблему функционирования традиционной культуры в условиях модернизации. Особую роль в процессе фиксации состояния народной культуры М.Б. Шатилов отводил этнографам. «Только этнограф может собрать и изучить бытовые материалы, те уходящие вглубь веков корни быта... и поэтому необходимы обследования старожилорусского населения, обследования его материальной, социальной и духовной

культуры, сборы материалов по народному творчеству» [1. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 20]. В планах музея, составленных М.Б. Шатиловым на ближайшее после открытия музея время (конец 1920-х – начало 1930-х гг.), включены обследования русского старожильческого населения Зачулымья и рр. Улу-Юл и Чичка-Юл, а также изучение жизнедеятельности населения, проживающего по обским притокам Шегарке и Парабели; предполагалась экспедиция и в Заобский район. Отдельным пунктом в плане значились запись русских народных песен, изучение крестьянского искусства и памятников крестьянской архитектуры.

Летом 1927 г. экспедиционный маршрут должен был пройти по рр. Улу-Юл, Чичка-Юл, где проживало старообрядческое население, особенности быта которого отличались консервативностью [1. Оп. 3. Ед. хр. 143. Л. 22]. Однако фактически этнографические обследования М.Б. Шатилова охватили русских старожилорусских Зачулымья (правый приток р. Чулым) в районе сел Пышкино-Троицкое, Торбеево (ныне это территория Первомайского района). М.Б. Шатилов предполагал собрать большой материал по народному творчеству, лирике, эпосу. В результате работы было сделано до 700 записей по фольклору русских старожилорусских: обрядовые, хороводные, вечерошные, застольные, детские песни, частушки, заговоры, приметы и др. Среди собранного материала М.Б. Шатилов выделил песни древнего бытования, восходящие, по его мнению, примерно ко времени Московской Руси. К сожалению, эти материалы не были опубликованы, а все имеющиеся у автора рукописи оказались изъятыми при аресте, и их участь пока не удалось проследить. М.Б. Шатилов успел опубликовать лишь краткие заметки об экспедиции в «Трудах Томского краевого музея» [14. С. 98–101].

Дополнительный свет на результаты экспедиций проливает музейная документация. В сборной инвентарной книге № 2 за 1920–1925 гг. зафиксированы предметы из Зачулымской экспедиции с указанием места их сбора [6. Оп. 5. Д. 11]. Согласно записям, были привезены старинная русская женская одежда «шущун», образцы тканых шерстяных опоясок, крестьянского коврокчества, деревянный гребень для расчески льна при его обработке, разноцветные старинные женские головные уборы – «наколки» и другие предметы. Всего в музей поступило около 60 предметов.

С 12 августа по 13 сентября 1928 г. М.Б. Шатилов проводит этнографическое обследование русского старожильческого населения в районе р. Шегарки (левого притока Оби), в пределах Томского округа [1. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 63]. Цель оставалась прежней – изучение материальной и духовной культуры населения, сбор материалов по фольклору и декоративному крестьянскому

искусству. В ходе экспедиции была собрана информация исторического и этнографического содержания об Уртамском остроге, о первых засельниках края, местной ссылке, свадебных обрядах, гадании, обрядах, связанных с хозяйственной жизнью, материалы по народному календарю и процессу обработки льна и ткачеству. Записаны фольклорные данные: песни обрядовые, застольные, вечерошные, хороводные, тюремные, причитания, частушки и другие, а также заговоры, приметы и некоторые сведения по народному говору – всего произведено до 600 записей. К сожалению, они также изъяты при аресте М.Б. Шатилова и судьба этих рукописей неизвестна. Для коллекций музея собран материал по декоративному крестьянскому искусству и домашним ремёслам: ткачеству браному, шитью, росписи и резьбе по дереву. Среди собранных материалов имелись, несомненно, ценные экземпляры. По мнению М.Б. Шатилова, среди песенного материала, особенно обрядового, содержатся прекрасные образцы как по форме, языку, так и по содержанию. Среди декоративного материала исследователь выделял старинную резьбу по дереву – «прясилки». Собранные предметы представляют собой прекрасные образцы наиболее древнего вида резьбы – «выемчато-трехгранного» [14. С. 101].

В результате анализа полученного материала М.Б. Шатилов установил культурную связь русских старожилов обследованного района с населением северорусских областей. На основе проведённых полевых изысканий исследователь сделал вывод о быстром вымирании среди молодежи края традиций старинной песни и о почти полном исчезновении из крестьянского обихода предметов традиционной домашней утвари, одежды, рукоделий и пр., которые представляют особый этнографический интерес.

М.Б. Шатилов подчеркнул, что данное обстоятельство должно обязать к скорейшему и по возможности более широкому обследованию русского населения Томского края. Сложившаяся в 30-е гг. XX в. политическая система в стране изменила не только цели, задачи, направление деятельности музея, но и кадровый состав учреждения. В начале апреля 1933 г. был арестован и осужден М.Б. Шатилов. Он вынужден был признать предъявленное ему обвинение – членство в контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации, ставившей перед собой задачу свержения советской власти [10. С. 211–212].

Деятельность М.Б. Шатилова заложила фундаментальную основу для дальнейшего комплектования музейного фонда по русскому населению Томского края. Как директор он планировал работу по формированию коллекций, а как этнограф – проводил экспедиционные исследования и собирал полевые материалы. М.Б. Шатилов прекрасно понимал значение музейных коллекций, составленных на основе этнографического обследования населения как ценнейшего и уникального источника по истории и культуре края.

Сбор материала, отражающего традиционные черты и исторические изменения в жизни крестьян Томской губернии, был осуществлен ещё одним музейным сотрудником – Марией Викторовной Бородкиной в деревне Иткара Поломошинского района (ныне – Яшкинский район Кемеровской области). Данные по «годич-

ному кругообороту» хозяйственной жизни крестьян, материалы по фольклору и народной медицине были затем обобщены ею в работе «Деревня Иткара Томского края» [2. С. 70–94]. В работе описывается небольшое селение Иткара; дан этнографический обзор состава населения; собраны материалы по фольклору: поговорки, выражения, приметы, песни и частушки; приведен словарь местных слов; описаны некоторые обычаи и обряды; народная медицина.

М.В. Бородкиной были собраны и привезены 64 экспоната – образцы крестьянского орудия ткачества, а также лекарственные травы [6. Оп. 5. Д. 11]. Личность М.В. Бородкиной значима в истории Томского областного краеведческого музея, особенно в его начальной период, период становления. К сожалению, сведений о ее деятельности сохранилось немного. Пытаясь воссоздать её биографию применительно к томскому периоду, можно сообщить следующее. М.В. Бородкина родилась 1 июля 1895 г. в г. Нерчинске Забайкальской области. В 1918 г. поступила в Томский университет на медицинский факультет, а в 1920 г. перевелась на историко-филологический. В это время она принимала участие в работе сибирского научного студенческого кружка, прослушала полуторамесячные курсы сибиреведения, состояла научным сотрудником в библиографическом бюро при Институте исследования Сибири.

В 1921–1922 гг. она перевелась в Иркутский государственный университет на гуманитарное отделение и работала по тематике, связанной с этнографией русского населения Сибири, под руководством профессора Виноградова. Принимала участие в работе по составлению библиографического словаря общественных и научных деятелей Сибири, работала в качестве статистика первого разряда, изучая русское и бурятское население устья р. Селенги. В 1924 г. была командирована Иркутским научным музеем народоведения для изучения хозяйства и быта русского населения Прибайкалья и сбора коллекций [1. Оп. 2. Ед. хр. 48. Л. 164].

Иркутский период деятельности М.В. Бородкиной связан с её членством в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества, что свидетельствует об углублении интересов и росте профессионализма М.В. Бородкиной как исследователя. Об этом свидетельствует следующий факт. В январе 1925 г. на первом Восточно-Сибирском краеведческом съезде ею был прочитан доклад о Баргузинском крае. На основании доклада признали работу М.В. Бородкиной представляющей интерес не только для краеведов-экономистов, но и в равной мере для краеведов-этнографов. Секция приняла решение о том, что этот доклад было бы полезно повторить на объединённом заседании секций: этнографической и туземной [3. С. 65].

Годы учебы в Томске и пробуждение здесь научно-исследовательского интереса к этнографии не прошли даром, и, очевидно, М.В. Бородкина стремилась быть востребованной и в Томске. В заявлении Томскому краеведческому музею от члена Восточного Сибирского отделения Русского географического общества М.В. Бородкиной от 6 августа 1925 г. написано, что, работая в течение последних лет по этнографии Сибири и по изучению русского населения, интересуясь также музейным делом, она хотела бы принимать участие в ра-

боте Томского краевого музея по указанной специальности в качестве постоянного сотрудника [1. Оп. 3. Ед. хр. 143. Л. 22].

Со 2 сентября 1925 г. М.В. Бородкина была зачислена в штат музея на должность заведующей общественно-экономическим отделом [1. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 179]. Однако год спустя 4 мая 1926 г. на заседании совета Томского краевого музея заслушали заявление М.В. Бородкиной о предоставлении ей месячного отпуска до 1 июня и об освобождении её от обязанностей заведующей общественно-экономическим отделом музея в связи с отъездом из Томска [1. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 77]. К сожалению, выяснить причины отъезда из Томска пока не удалось.

Отношение к Марии Викторовне как к умному и увлеченному своим делом человеку отражены в записке совета Томского краевого музея, составленной директором М.Б. Шатиловым. В ней отмечалось, что музей теряет ценного, любящего свое дело и преданного ему работника [1. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 77]. М.В. Бородкина, работая в должности заведующей общественно-экономическим отделом, параллельно заведовала библиотекой [1. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 67]. В её обязанности входили проверка наличного состава библиотеки музея и составление карточного каталога [1. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 77]. Она также входила на правах члена в Общество изучения Томского края [7. С. 108], работала секретарем в «Комитете содействия Томскому краевому музею» [1. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 142]. Немногочисленные сведения, характеризующие томский период деятельности Марины Викторовны Бородкиной, рисуют её как энергичного, увлеченного своим делом человека, разносторонняя научная и общественная работа которого не может не вызывать глубокого уважения. М.В. Бородкина была одним из первых собирателей экспонатов по русской этнографии в Томском краевом музее, она продолжила начатую М.Б. Шатиловым работу по комплектованию отдела этнографии.

В 1920-е гг. Томский краевой музей являлся на территории Томского края единственным научно-исследовательским учреждением музейно-краеведческого характера. Эти годы характеризуются развертыванием экспедиционно-собирательской деятельности музейных сотрудников и планомерным комплектованием этнографических фондов с целью сохранения их для последующих поколений как ценнейшего собрания источников, отражающих культурную специфику этносов Томского края.

В связи с изменившейся общественно-политической ситуацией в стране в 1930-е гг. корректировались и принципы комплектования музейных фондов. В это время отчетливо прослеживается тенденция к формированию экспозиций, посвященных достижениям социалистического строительства, сбору предметов, отражающих процесс модернизации общества. В связи с этими установками проводилось и комплектование фондов. Томский краевой музей в сентябре 1930 г. подвергся

критике Сибирского краевого Совета народного образования за «...сбор редкостей, а не материалов, отражающих опыт крестьянина, активиста по выращиванию новых сортов злаков и корнеплодов, опытное кормление скота, сбор полезных ископаемых, классовую борьбу в деревне...» [1. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 24]. Политическая цензура и сложившаяся идеологическая обстановка в стране требовали от музея в области этнографии обратить внимание на изучение нового быта рабочих и крестьян [5. С. 73]. Вещь, отражающая этническую специфику, не способна была выполнить основную идеологическую задачу – показать развитие социалистического общества. Важным представлялось не изучение традиционных форм культуры народа, считавшихся пережитком, а изучение прежде всего производительных сил, разработка программ по сбору источников о революционной истории края, о мероприятиях в области колхозного строительства, по поднятию урожайности и участию краеведческих организаций в процессе обобществления сельского хозяйства и т.п.

Музей в 1930-е гг. перестраивался в орган идеологический пропаганды, перестройка протекала в тяжелых условиях. Понимая необоснованность однолинейной направленности в тематике музейной деятельности и неэффективность предлагаемых методов агитации и пропаганды достижений социализма, опытные сотрудники музея пытались изучать и этническую культуру края. Как отмечалось в «Тематическом плане реэкспозиции капиталистической формации Томского краевого музея», старые музейные специалисты неуклонно направляли музейную работу в академическое русло коллекционирования [4. С. 103]. Об отношении посетителей к экспонируемым выставкам свидетельствовали их отзывы. Так, в мае 1932 г. открылся отдел «Кузбасс», представленный преимущественно плоскостным материалом: книгами, газетами, макетами и т.п. В архиве ТОКМ сохранился черновик доклада о политпросветработе музея, в котором отмечается, что «...приходящие в музей часто оставались недовольными: “что тут смотреть”, а чаще всего, махнув рукой или головой на эти бумажки, – готовы уйти...» [1. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 5].

Как видно из вышеизложенного, начало комплектования коллекций по русской культуре в ТОКМ связано с именами и деятельностью таких его сотрудников как директор М.Б. Шатилов и заведующая общественно-экономическим отделом М.В. Бородкина. В этот период 1925–1928 гг. особое внимание уделялось сбору полевого этнографического материала. Исследовательская проблематика была нацелена на изучение взаимодействия традиций и новаций в рамках культуры русского народа. В 1930-е гг. сбор этнографического материала среди русского населения Томского края был приостановлен музеем, а в 1940-е гг. экспедиционная работа практически не велась. Таким образом, начальный период формирования этнографических коллекций по культуре русских Томского края приходится на вторую половину 1920-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив ТОКМ.

2. Бородкина М.В. Деревня Иткара Томского края. Хозяйственно-бытовые очерки // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1.

3. *Восточно-Сибирский* отдел Русского географического общества // Бюллетень № 6. Иркутск, 1925.
4. Из «Тематического плана реэкспозиции капиталистической формации Томского краевого музея» // Труды Томского краевого музея. Томск, 2002. Т. 11. С. 103.
5. Отчет о деятельности Томского краевого музея в 1927–1930 гг. // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 11. С. 73.
6. Сборная инвентарная книга № 2 // Архив ТОКМ. Оп. 5. Д. 11.
7. Сениокова Н.Л. Общества изучения Томского края при Томском краевом музее (1925–1928 гг.) // Труды Томского государственного объединённого историко-архитектурного музея. Томск, 1994. Т. 7.
8. Томилов Н.А. Музееведение, его периодизация и основные понятия // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1998. № 6.
9. Тучкова Н.А. Этнографические сборы М.Б. Шатилова 1924 г. в фондах Томского краеведческого музея // Труды Томского государственного объединённого историко-архитектурного музея. Томск, 1995. Т. 8.
10. Ханевич В.А. Политические репрессии в судьбах сотрудников Томского краеведческого музея // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 11.
11. Шатилов М.Б. Ваховские остяки // Труды Томского краевого музея. Томск, 1931. Т. 4.
12. Драматическое искусство ваховских остяков // Из истории шаманства. Томск, 1976.
13. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1.
14. Шатилов М.Б. Обзор деятельности Томского краевого музея (1927–1928 гг.) // Труды Томского краевого музея. Томск, 1929. Т. 2.

Статья представлена кафедрой музеологии Института искусств и культуры Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 25 октября 2005 г., принята к печати 16 января 2006 г.